

*Посвящается 110-летию Психологического института,
основанного профессором Г. И. Челпановым в 1912 году
при Императорском Московском университете*

Содержание

Предисловие редакторов	5
КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ	
Когда кончается проза и начинается лирика... ..	11
ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ЗИМНЯЯ	
Служение науке – служение человеку	38
ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ЗИМНЯЯ	
Компетентностный подход в образовании	56
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЛИК-ПАШАЕВ	
Иностранец в психологии. Моя жизнь в искусстве и около	65
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЛИК-ПАШАЕВ	
Иностранец в психологии. Психология, творчество, человек	99
ВАРВАРА ИЛЬИНИЧНА МОРОСАНОВА	
Российская научная школа психологии саморегуляции: история и современность. К 70-летию юбилею ученого	123
ВАРВАРА ИЛЬИНИЧНА МОРОСАНОВА	
Саморегуляция как ресурс достижения целей в условиях цифровизации образования	137
АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ОСНИЦКИЙ	
Регуляторный опыт человека: ребенка, подростка, юноши, взрослого ...	149
ВИКТОР ИВАНОВИЧ ПАНОВ	
О психологии восприятия движения, о парадигмах психологического познания и о Психологическом институте как катализаторе научного творчества	172
ВИКТОР ИВАНОВИЧ ПАНОВ	
Экопсихология развития и психодидактика: расширение горизонтов психологического поиска	193
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА ЧУПРИКОВА	
В поисках психической реальности. К 90-летию юбилею ученого.....	212
Именной указатель	232
О команде научно-социального проекта Психологического института «Российская психологическая наука: люди и идеи»	255

Предисловие редакторов

Психологический институт Российской академии образования с 2018 года осуществляет научно-социальный проект «Российская психологическая наука: люди и идеи» – интервью с выдающимися современными деятелями психологической науки. Истоки замысла этого проекта очевидны. Кому из нас не хотелось побольше узнать о личности ученого, научная позиция которого вызывает наше уважение, а труды имеют непреходящую ценность для науки? Разве не интересно услышать от самого мэтра психологии, как рождались его научные идеи, как складывалась его научная биография, как он оценивает сегодняшнюю научную реальность, какие научные задачи считает первоочередными? Представленные в книге интервью – это не только рассказ ученого о самом важном в его научной жизни, о его отношении к современности, о его прогнозах научного развития, но и образец, говоря пушкинскими словами, «самостоянья человека», духовного освоения жизненных событий. Латинское *classicus* – это «образцовый». Беседы с «современными классиками» – особый жанр научной публицистики, в котором строгость научных обобщений переплетается с прозой человеческой жизни. Что может быть проще и в то же время сложнее, чем равняться на образцы?

В книгу вошли интервью с известными российскими учеными, определившими траекторию развития научной мысли на годы вперед. Ксения Александровна Абульханова-Славская, Ирина Алексеевна Зимняя, Александр Александрович Мелик-Пашаев, Варвара Ильинична Моросанова, Алексей Константинович Осницкий, Виктор Иванович Панов, Наталья Ивановна Чуприкова – всех этих людей объединяет одна жизненная миссия, одна цель: служение науке, служение человеку, служение личности.

Интервью, представленные в предлагаемой читателю книге, были сделаны в период с февраля 2018 года по январь 2020-го. Свойственные героям интервью – современным мыслителям – способности к скрупулезному анализу и широким обобщениям жизненных реалий неизбежно выводили их на уровень масштабных экзистенциальных размышлений, в которых явно были слышны вибрации грядущих и неизбежных изменений мира.

«Разговорный» жанр книги обусловил стилистические особенности текста: устная речь наших героев, положенная на бумагу, порой может показаться слишком непринужденной, особенно читателю, привыкшему к строгости научных публикаций. Но разве рассказ о науке не может быть легким и увлекательным? Тем более если за легкостью и непринужденностью стоят большой труд и многолетние размышления о сложном мире бытия человека. В книге разговоры о научных взглядах героев переплелись с их личной историей, с историей науки, с историей нашей страны.

Ксения Александровна Абульханова-Славская

Когда кончается проза и начинается лирика...

*Ты не клялся верностью Отчизне.
Просто проявлял ее всегда.
К. А. Абульханова-Славская*

9 января 2020 года

Ксения Александровна Абульханова-Славская, 9 января 2020 г., Сергиев-Посад

Наиля Кондратюк и Галина Шукова: Добрый день, Ксения Александровна!

Ксения Абульханова-Славская: Добрый день!

Н. К.: Ксения Александровна, мы, как правило, всем, у кого берем интервью, задаем первым один и тот же вопрос. С Вашего позволения и Вам его зададим. В 1956 году Вы закончили психологическое отделение факультета философии Московского государственного университета. Как был сделан выбор в пользу психологического отделения? Когда появился интерес к психологии? Какие встречи и события предопределили этот выбор? Но, отступая от традиции, прежде всего хочу спросить, правда ли, что Вы внучатая племянница Леонида Андреева?

К. А.-С.: Это правда. Хорошо, что Вы спросили. Именно *это* меня и погубило. С 5–6 лет на отцовских плакатах «Экономь электричество!» я писала некие эссе и новеллы и считала, что из меня выйдет недурной писатель. И поэтому, когда я со своей золотой медалью явилась на философский факультет МГУ, и меня спросили, почему я выбрала философию, я сказала, что я ее не выбирала, а что в нашем государстве писатель должен быть знатоком марксизма-ленинизма и, соответственно, я решила начать свое образование с овладения марксистской теорией. На вопрос о том, чем я собираюсь заниматься после окончания учебы, я заявила, что хочу продолжить свою литературную деятельность. Члены комиссии, конечно, перемигнулись. Через три дня я пришла за ответом, а меня продолжили экзаменовать и попросили даже рассказать про работу Иосифа Виссарионовича «Анархизм или социализм». Я ответила, что Иосиф Виссарионович, не имея философского образования, взялся анализировать социальные проблемы – это, конечно, очень актуально, очень важно (годы-то какие!), но насколько это научно – это еще вопрос. Они чуть не заплакали от умиления на такой ответ и сказали, что о моем приеме на философское отделение и речи быть не может. Отделения было три: философия, логика и психология. Логика у меня не навидала еще со школы, поэтому для меня оставалась только психология. Выбора осознанного никакого не было, но были некие предпосылки. То, что я писала на плакатах, – это были эссе о жизни людей, об их взаимоотношениях, это была письменная, назовем ее не творческая, а письменная деятельность. В 6 лет я написала роман «Листая страницы жизни». Ко мне очень часто обращались за советами сверстники и взрослые. Хотя я была очень скромной девицей, недовольной, как и все девицы, своей внешностью и очень иногда скованной, но в каких-то жизненных ситуациях я выступала в роли не советчика, конечно, а, скажем, собеседника. И это было внутренней предпосылкой того, что я буквально утонула в психологии, когда начала ее изучать.

Н. К.: Ксения Александровна, а что это были за плакаты, на которых Вы писали?

К. А.-С.: В то время по всей Москве были развешаны плакаты «Родина-мать», «Защищай Родину-мать». А отец мой, инженер-электрик, закончивший Бауманский институт (МГТУ им. Н. Э. Баумана. – *Прим. ред.*), работал в Мосэнерго, и его все время снабжали этими плакатами. Их я и использовала как пишущую бумагу.

Г. Ш.: Ксения Александровна, еще немного про наш институт. С. Л. Рубинштейн два года его возглавлял, и ему он совсем не понравился?

К. А.-С.: Он не понравился институту. Его не приняли.

Н. К.: А какими были Ваши взаимоотношения с Психологическим институтом?

К. А.-С.: Мне всю жизнь везло на государственные приказы, и согласно одному из них нельзя было защищаться в своем учреждении. Я пошла в ваш институт. Н. И. Жинкин закурил сигарету, так красиво сел и сказал: «Пока я курю эту сигарету, Вы за это время мне расскажите, какой вклад в психологическую науку Вы внесли». Я на это сказала, что мне не нравится запах его сигарет.

Г. Ш.: Пренебрежительно к Вам отнесся?

К. А.-С.: Абсолютно унижительно. Я поблагодарила его и ушла. И мне выписали из Грузии Нину Левановну Элиава. Мы с ней встретились на нейтральной почве. Она сказала: «Я ученица Дмитрия Николаевича Узнадзе» (Ксения Александровна говорит эти слова с грузинским акцентом. – *Прим. ред.*). А я говорю: «А я ученица Сергея Леонидовича Рубинштейна». Мы обнялись и поняли друг друга. Она сняла мансарду художника в доме на улице Кирова, ходила в необыкновенном халате на огромных каблуках, собирала меня, Будилову (Елену Александровну. – *Прим. ред.*) и бедненькую Анцыферову (Людмилу Ивановну. – *Прим. ред.*) и говорила, что она Д'Артаньян и она научит нас, как менять любовников. Она вцепилась в моего мужа, так как он увлекался детективами (читал братьев Стругацких и т. д.), а она вела исследование мышления по детективным сюжетам. Мой муж, человек не без юмора, сделал для нее коктейль «Огни Москвы», смесь коньяка с шампанским, и Нина Левановна несколько поплыла: она призналась, что урожденная княжна Вачнадзе. До этого признания я думала, откуда это: я такая дылда, а она маленькая, на огромных, правда, каблуках, но я всегда чувствовала себя ниже ее ростом. Красоты неописуемой и ума совершенно необыкновенного. И с таким совершенным чувством юмора и таким потрясающим отношением к жизни. Будилову она называла девочкой и говорила: «Вы, девочка, конечно, наукой занимайтесь, но кроме науки тут для женщин жизнь же существует. А жизнь, она очень красивая!»

* * *

Н. К.: Ксения Александровна, в точных науках, в частности математике, в 2000 году Математическим институтом Клэя (Clay Mathematics Institute, США) были сформулированы семь так называемых проблем тысячелетия (гипотеза Ходжа, гипотеза Римана, обоснование квантовой теории Янга–Миллса и т. д.), одна из них уже решена (гипотеза Пуанкаре доказана российским математиком Григорием Перельманом в 2003 году). На Ваш взгляд, есть ли в психологии свои «проблемы тысячелетия», которые требуют решения? И были ли подобные масштабные проблемы, имеющие отношение

уже не к математическому, а к идеографическому (гуманитарному) знанию, в частности к психологии, поставлены и решены С. Л. Рубинштейном?

К. А.-С.: Я по поводу формулировки «проблемы тысячелетия», к сожалению, должна не согласиться, так как психология имеет размерность столетиями. Я считаю, что двадцатый век, из которого мы только что вышли, аккумулировал все проблемы: и научные, и жизненные. Он был просто сгустком этих проблем. Сегодня же, в связи со всеми (в том числе) экологическими изменениями, говорить о будущем столетии что-то определенное вряд ли оправданно.

Но я могу сказать о том, какие проблемы, как я считаю, решил Сергей Леонидович. Какие проблемы действительно были самыми существенными в понимании сущности и психологии в целом как науки, и личности, и жизни личности.

Я считаю, что, конечно, одним из самых его крупных открытий было открытие *принципа детерминизма*. Его, скажем так, не открытие, а, будем скромнее, интерпретация: интерпретация принципа детерминизма. При чем у этой интерпретации есть своя эволюция. Сначала это была простенькая формула о том, что внешнее преломляется через внутреннее. За этой простенькой формулой стояло очень серьезное содержание, отрицающее решающую роль социальных причин, социальных воздействий и подчеркивающее роль внутреннего, т. е. личности и ее противостояния среде. И эта формула, по моему, так сказать, опросу общественного мнения в смысле прочтения литературы, она моментально была воспринята и понята научным сообществом, ее не надо было объяснять. Но вот ее развитие в «Человеке и мире», – это, конечно, очень сложно, но вместе с тем на очень много порядков больше, выше и шире, чем первоначальная формулировка. В чем?

Первое. Причины не только внешние и внутренние, количество причин безмерно. И дело не только в том, что внешние причины преломляются через внутренние. Внутреннее отвергает внешние причины. Оно их вообще не принимает. Внутреннее, то есть личность человека, борется, противостоит, преодолевает и изменяет. Сергей Леонидович очень любил выражение (вообще, он ими не злоупотреблял, но любил такие бытовые выражения) «расстановка сил». Как меняется расстановка внешних сил в результате того или иного способа участия, вмешательства человека?

Действие причин и встречно идет, параллельно по горизонтали, и ортогонально. И какие-то причины не пересекаются, какие-то причины погашают друг друга сами, то есть воздействие, допустим, с минусом и воздействие некоторых обстоятельств с плюсом погашает общий эффект, общий результат.

Лучше, чем Сергей Леонидович, невозможно было написать о том, что то, что казалось существенным (причины, принимаемые всерьез на одном этапе жизни), становится неважным, когда жизнь изменяется, изменяется расстановка сил. Причинные соотношения меняются по уровням, по времени, по качеству, по силе воздействия, по силе противостояния. То есть

существует огромное пространство конкретизации принципа детерминизма. Огромнейшее пространство.

Конечно, в психологии причинность связана с проблемами этики, с проблемами взаимоотношений людей. Но особенно интересно (об этом А. В. Брушлинский в соавторстве с В. А. Поликарповым написал очень хорошую книгу «Мышление и общение»), как сами люди, например группа, занятая решением каких-то проблем, делегируют причину, то есть лидерство, другому человеку. Понятие причины, словом, имеет множество аспектов понимания: причина как сущность, причина как побудитель, причина как своего рода мотив. Мы (продолжатели) должны перевести эти философские категории на язык многообразия, многовариантности психологических понятий.

Почему Сергею Леонидовичу удалось, так скажем, *открыть* онтологию, ведь очень многие философы занимались проблемами онтологии? В конце концов, в советском обществе это уже, как говорится, пошло в свинарник, извините за грубость, т. е. свелось к материи, к биологическому. Онтологическое свелось к простейшим формам, к движению, как говорится, материи. А Сергей Леонидович, с одной стороны, реализовал философские положения в психологии, с другой – он из психологии извлекал те проблемы, которые можно философски представить, обобщив их. Он опирался на все науки. Он знал и математику, и теорию относительности; он владел мышлением, которое характерно было не только для Маркса, политэкономии, всех конкретных сфер бытия, но он владел диалектикой исследования в других науках. И он это, как и очень многое другое, в своих, особенно ранних, статьях подразумевал имплицитно (то есть он этого не объяснял). Его работы отличаются очень интересной логикой. Например, он пишет статью о Г. Когене, но его статью о философской системе Когена можно понять, только прочитав статью об Э. Шпрангере, где Рубинштейн, собственно, чихвостит этого Когена. А в статье о Когене он пишет все иначе. Сергей Леонидович какие-то вещи выдавал как аксиомы, как само собой разумеющееся, хотя мы тогда с удивлением их воспринимали. Ему была доступна диалектика в пределах, которые даже осмелюсь назвать аристотелевскими и гегелевскими. Может быть, вы помните, в книге «Бытие и сознание» он приводит простенький примерчик, что воздействие одного камня на другой зависит от температуры. Мы несколько не удивляемся, что существует жидкость в виде воздуха и льда. Мы, как говорится, об этом не задумываемся, принимаем это как данность. Но в точных науках объясняется, почему и как происходят все эти переходы, и Рубинштейн владел таким способом мысли конкретных наук. Поэтому ему, я считаю, удалось свести дуализм (бытие и сознание – дуалистическая формула) к простому, проще, как говорится, не бывает, онтологизму, в котором уже происходит все это бытийное разветвление и вся эта конкретизация.

Кроме этого, из сделанного Сергеем Леонидовичем есть еще то, что я считаю открытием нашего (то есть двадцатого) века. Как-то мне звонит

Е. Д. Хомская, ученица А. Р. Лурии, и говорит: «Ксанна (мы с ней дружили), можете Вы мне, наконец, объяснить, что такое методология? Вы все бубните и бубните: “Методология, методология”». Действительно, что такое методология? Методология – это способ познания. Посмотрите, из чего состоит наука? Из понятий (психика, личность, субъект, жизнь, нервная система...) – а это все статика – и законов, иначе она не была бы наукой. Она категориальна, но эти категории статичны. А другая часть науки – это исследовательская область. Та, где даже божественные категории постепенно либо расширяются, либо минимизируются, либо преобразуются. И Сергей Леонидович сумел превратить ряд философских положений в методологические принципы психологии, которые воспроизводить я не буду, они всем известны. Но это и есть способ познания – методология. Методология – способ познания и процесс его анализа: как происходит познание и почему.

Н. К.: Можно ли говорить о том, что С. Л. Рубинштейн был одним из тех, кто первым показал неправомерность гносеологической традиции в психологии?

К. А.-С.: До него Челпанов усомнился в теории отражения.

Н. К.: Что является предметом психологии по Рубинштейну и по Абульхановой-Славской?

К. А.-С.: Сергей Леонидович в 1935 году определяет предмет психологии как переживание и отражение. Простим ему это.

Итак, мое понимание. Только попрошу без смеха. Во-первых, я бы определяла предмет психологии глаголами: не *что* происходит, а как *происходит* и кто *осуществляет*, то есть совокупностью глаголов. Потому что психика и личность – это именно происхождение, осуществление, ну и, конечно, рубинштейновское – способ существования как философская категория; это созидание, это восхождение, это становление. То есть две указанные выше области науки делятся таким образом, что вторая часть как собственно *процесс* познания имеет дело с изменяющейся и изменяемой в определенных пределах *действительностью* психического бытия личности. В последнее время, да и в «Основах», которые мы недавно переиздавали, Сергей Леонидович очень большое внимание уделял не структурно-генетическому, не структурно-стадиальному подходу, а функциональному подходу к изучению психики и личности, то есть познанию изменения сущности, утверждения сущности, реализации сущности. Почему я говорю про сущность? Потому что, конечно, основным предметом психологии является личность как ее эпицентр. Точно так же, как эпицентром является человек во Вселенной. Если мы начнем с этим спорить, мы согласимся, что существуют разные направления: социальная психология, психология труда и так далее, но это только конкретизации того, в каких условиях осуществляется личность. Что касается психологии личности – здесь другие закономерности, другие проблемы, это как бы специальный раздел психологии. Я противница структурного подхода, но психологию как науку надо переструктурировать.

Ирина Алексеевна Зимняя

Служение науке – служение человеку

*Касаться души ребенка может только человек,
который любит ребенка.*

И. А. Зимняя

17 апреля 2018 года

Ирина Алексеевна Зимняя. 17 апреля 2018 г., Москва

Наиля Кондратюк: Ирина Алексеевна, добрый день!

Ирина Зимняя: Добрый день!

Н. К.: Спасибо, что согласились на интервью. В этом году (2018 год. – Прим. ред.) в Психологическом институте появился научно-социальный

проект «Российская психологическая наука: люди и идеи». Основная идея этого проекта – побольше узнать о личности выдающихся ученых наших дней в области психологии. Из первых уст, как говорится, услышать, как рождались научные идеи и теории, как складывалась научная биография, о самом важном в научной жизни, об отношении к современности, о прогнозах научного развития.

Ирина Алексеевна, с Вашего позволения, поскольку проект имеет прямое отношение к Психологическому институту, я начну с вопроса о Психологическом институте. Насколько я знаю, Вы сотрудничали с лабораториями Г. Г. Граник, А. Н. Соколова и продолжительное время были членом диссертационного совета Психологического института. Расскажите, пожалуйста, как Ваш творческий путь оказался связан с Психологическим институтом?

И. З.: Начну с Николая Ивановича Жинкина. Весь мой научный путь определен влиянием Н. И. Жинкина как ведущего в нашей стране исследователя речи и как ведущего исследователя Психологического института. Надо сказать, что совсем еще молодым исследователем я была приглашена на заседания лаборатории Александра Николаевича Соколова, которые проходили в цокольном этаже Психологического института. В то время в лаборатории работало много молодых исследователей. Именно в этой лаборатории обосновывалась правомерность тех речевых исследований, которые потом проводила я и мои аспиранты.

А в 1961 году я защитила кандидатскую диссертацию в диссертационном совете Психологического института. Психологический институт меня оформил, узаконил как кандидата психологических наук, и в этом процессе огромную роль сыграл незабываемый директор института и председатель диссертационного совета Анатолий Александрович Смирнов. Это удивительная личность. Анатолий Александрович досконально вникал в основные положения, которые выносились диссертантами на защиту. Он внимательно следил за всей процедурой защиты, поддерживал, направлял ее. Это был человек, открытый людям, помогающий людям. Мы в своем кругу называли его Памятник, поскольку он занимался психологией памяти. Я бы сказала, что Психологический институт – это моя всеобъемлющая альма-матер, *единственная*. Потому что все самообразование у меня проходило в русле Психологического института. И моя, так сказать, «фиксация» и легализация как ученого, мое признание проходило там. Директором Психологического института Виталием Владимировичем Рубцовым мне был вручен диплом, которым я очень горжусь¹.

Н. К.: Ирина Алексеевна, Вы сказали, что Ваш творческий путь связан с именем Николая Ивановича Жинкина – одного из самых известных советских лингвистов, психологов, все свою жизнь проработавшего в Психоло-

¹ За вклад в развитие психологической науки в 2011 г. И. А. Зимняя награждена почетным знаком «Золотая Ψ» (ведомственная награда, учрежденная Психологическим институтом РАО и Московским государственным психолого-педагогическим университетом).

логическом институте. Могли бы Вы рассказать о начале Вашего общения и работы с Николаем Ивановичем? Как это было?

И. З.: В начале 50-х годов я училась на факультете английского языка Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза, сегодня это Московский государственный лингвистический университет. В это время в мировой филологии очень активно обсуждались работы Р. О. Якобсона, М. Халле по диссипативным признакам звуков, в частности гласных, согласных, фрикативных. Их дистинктивные, дифференциальные признаки – это те минимальные единицы, по которым один звук отличается от другого. И поскольку уже на втором курсе я была в кружке по психологии, то после завершения обучения В. А. Артемов мне предложил место ассистента в существовавшей тогда в МГПИИЯ лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи. Филологическая база у меня благодаря общению с Натальей Александровной Слюсаревой была достаточно сильная, и поэтому я очень быстро вошла в работу. Это была аппаратурная, инструментальная работа. Мне нужно было определить по ленте, по кимографической записи звучания, чем отличается один звук от другого. Работа была кропотливая, интересная. Ей очень заинтересовался сам Николай Иванович Жинкин, так как в это время он занимался языковыми системами обезьян. Он работал в сухумском заповеднике обезьян, сам воспроизводил звуки обезьян, и животные шли на его голос, принимая человека за своего сородича. Мое общение с Николаем Ивановичем Жинкиным было совершенно удивительным. Оно шло со второго курса и принималось как воздух, которым дышишь, как само собой разумеющееся. Только потом я уже осознала тот бесценный личностный вклад, ту атмосферу, тот удивительный интеллектуальный и духовный багаж, который я получала.

Н. К.: Каким образом Николай Иванович воспроизводил звуки обезьян? С помощью аппаратуры или сам?

И. З.: Он сам их воспроизводил! В языковой системе обезьян четыре звука (например, угрозы, призыва, интимные звуки). Николай Иванович их воспроизводил, и результатом этого воспроизведения было то, что обезьяны заинтересованно реагировали. Когда же мы собирались в неформальной обстановке, его все просили воспроизвести эти звуки. Он воспроизводил полет шмеля, мухи. Удивительный человек! Целый мир! Николай Иванович прекрасно знал литературу, поэзию, достаточно глубоко и очень проникновенно знал живопись. Его двоюродный брат Н. Н. Волков – известный художник и признанный эксперт живописи.

А однажды Николай Иванович сказал: «Вы знаете, скоро в лабораторию придет мой университетский друг Роман Якобсон». Пришел Роман Якобсон. Они немного побеседовали о делах, затем Роман Осипович сел на угол стола, и они начали говорить об университетских годах, совершенно не принимая во внимание мое присутствие. Для меня, вы знаете, это было проникновением в то далекое время, когда они учились в Московском уни-

верситете. Они называли имена Густава Шпета и многих других, для них все они были их кругом. Их беседа произвела на меня такое неизгладимое впечатление! Я не знаю, было ли это толчком к моей собственной работе, но толчком к пониманию того, что такое наука, точно было.

Н. К.: Ирина Алексеевна, Вы сказали, что учились на факультете английского языка Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. И что на втором курсе записались в кружок по психологии. Чем был обусловлен выбор лингвистического университета? Как появился интерес к психологии?

И. З.: Я бы сказала, что это не был выбор в полном смысле слова, а была некая предопределенность. Во-первых, я окончила женскую школу с ее очевидной общей направленностью женского образования на педагогические профессии, на профессии типа человек–человек. Во-вторых, был, конечно, достаточно большой интерес к иностранным языкам. До школы я занималась в группе немецкого языка, и, наверное, как-то из подсознания выплыл этот интерес, когда я поступала в институт, где и соединились два фокуса интереса. Поэтому выбора как такового не было, был поступок на основе предыдущей гуманитарной направленности школьного образования и интереса к языкам.

Н. К.: Интерес к языкам из семьи шел?

И. З.: Нет. Интерес к языкам появился из-за ситуации, в которой мы оказались в послевоенном периоде. Та роль, которую сыграли переводчики немецкого языка во время Великой Отечественной войны, роль языка во многих военных операциях, фильмы о разведчиках, фильмы о переводчиках, конечно, подогревали этот интерес. Вся обусловленность моего интереса была внешняя. Она шла не из осознанного выбора профессионального пути, что в дальнейшем и определило, что я и не пошла по нему, а очень скоро, на втором курсе, записалась в кружок по психологии на кафедре психологии.

Это была удивительная кафедра! Дело в том, что сам институт (МГПИИЯ. – *Прим. ред.*) в 1931 году выделился как структурная единица. До этого это был факультет Московского университета, и поэтому кадры были очень сильными. Достаточно сказать, что здесь преподавал Л. С. Бархударов – крупнейший знаток и исследователь русского языка, его учебники всем известны. Преподавала О. И. Москальская – специалист по немецкой филологии, В. Н. Ярхо – известный на всю Россию латинист. И конечно, кафедра психологии была одной из самых известных в Москве. Руководил кафедрой Владимир Алексеевич Артемов. В составе кафедры работали такие удивительные люди, как Борис Васильевич Беляев, Николай Иванович Жинкин, Феликс Алексеевич Сохин, Ольга Ивановна Никифорова. Это люди, которые проводили беседы со студентами, участвовали в работе кружков, участвовали в заседаниях и очень часто нас, совсем маленьких второкурсников, приглашали на заседания кафедры и относились к нам не так, как к послушным ученикам на занятиях, а как к самостоятельным, рассуждающим личностям.

Александр Александрович Мелик-Пашаев

Иностранец в психологии. Моя жизнь в искусстве и около

*...Вокруг бесконечный мир, и каждая его область –
это только маленькая грань бытия.*

А. А. Мелик-Пашаев

22 декабря 2018 года

Александр Александрович Мелик-Пашаев. 22 декабря 2018 г., Москва

Н. К.: Александр Александрович, Вы из театральной среды (я бы сказала, из «сердца» театральной среды) пришли в научную, психологическую? Какие у Вас были впечатления? Чувствовалась ли разница?

А. М.-П.: Действительно, я пришел из совсем другого мира, попав из театральной среды в научную. Придя в институт, я стал ходить на ученые советы. И что меня удивило (сейчас это не совсем так, конечно, время изменилось) – эти старые ученые по вопросам науки так яростно спорят друг с другом, что, по моему впечатлению, они должны поссориться на всю жизнь. Но нет – в перерыве выходят в фойе, курят, обнимаются, хихикают. Я понял, что «борьба идей» совершенно не переносилась на личности. Они действительно ревностно служили науке, и в этом были бескомпромиссны друг к другу, что, однако, не омрачало никак их личные отношения. Театральная среда иная. Там трудновато сказать кому-то, что сегодня он плохо спел или ошибочно трактовал произведение, и остаться для него таким же другом, как вчера. Возможно, бывает и такое. Конечно, и там много людей, которые всерьез служат искусству. Но мне кажется, что в целом атмосфера все же другая.

А тут была ощутима эта атмосфера служения общему делу, которое все считают по-настоящему важным, при безусловно уважительном отношении друг к другу, и не только к равным по званию или возрасту, а ко всем: от гардеробщицы до академика. Это было. С тех пор столько лет прошло! Уже тех людей давно нет, а те, кто их застал, уже старые, и атмосфера, конечно, совсем другая, но все-таки этот особый «воздух» института еще узнаваем, держится до сих пор. Как зайдешь куда-нибудь в другое место, вроде там все нормально, но приходишь сюда и видишь: нет, воздух другой пока еще.

*Виталий Владимирович Рубцов и Александр Александрович Мелик-Пашаев
в Большой аудитории Психологического института РАН.
Из личного архива А. А. Мелик-Пашаева*

Графические вещи я продолжаю делать и сейчас, не могу сказать, что бросил. Но на первый план вышла, по множеству причин, исследовательская работа в области творчества. Я вообще не знаю примеров того, чтобы человек полноценно и равно реализовывался в науке и в искусстве. В наше время, во всяком случае. Времена Леонардо да Винчи не будем вспоминать, это даже невозможно сравнивать, не только ввиду величия таких людей, но и просто по культурно-исторической ситуации.

В наше время был Николай Николаевич Волков – очень серьезный психолог и очень достойный художник-акварелист. Я не знаю, одновременно ли это у него происходило, или он сперва поработал в нашем институте, потом его из-за интриг выгнали, и тогда он восстановил свои художественные способности. Не знаю. Все равно, это очень редкие исключения. Способности у человека могут быть и в том, и в другом, но в полной мере их реализовывать трудно.

А. А. Мелик-Пашаев. Летним утром. Бумага, пастельный карандаш. 2015 г.
Размер 29×42. Из личного архива А. А. Мелик-Пашаева

А насчет того, что *общее* у искусства и науки... Я думаю, что общее лежит очень глубоко. Это как раз связано с новой темой, которая меня интересует в психологии творчества. Понимаете, у человека есть опыт переживания своего внутреннего единства с какой-то областью жизни: он угадывает, что может и должен раскрыть что-то неявное, что тайнописью «записа-

но» в окружающем мире. Это может быть неожиданно приоткрывающаяся тебе ценность знакомых явлений, которую ты воспринимаешь и хочешь сохранить и воплотить. Сохранить для себя и показать другим. Мир, в котором мы живем, который общий для нас для всех, вдруг тебе открывается твоей, именно тебе открывающейся ценностной гранью. Тогда возникает художественный образ. Или же человек угадывает не столько скрытую ценность, сколько скрытую в самой жизни некую объективно существующую сторону явлений, которая не на виду, но он чувствует, что она есть. Тогда он в это углубляется, это исследует и идет по пути научного открытия. То есть мы видим расхождение этих двух путей: *ценностный образ мира* или *выявление неявных внутренних закономерностей*. А в основе того и другого лежит *общее* переживание приоткрывающейся тайны жизни. Это описывается в автобиографических материалах очень многих выдающихся людей, причем из разных областей: искусства, науки, техники и т. д. Корень здесь общий: когда ты и «что-то другое» – *одно*, и ты должен это познать, выявить, и в этом ты реализуешь свое предназначение. Переживание, или предугадывание некоторой творческой возможности, – оно является *общим*. А *направление* творчества очень сильно расходится потом; еще раз скажу: как *выявление ценностно насыщенного образа мира* или как *выявление скрытых фактов и закономерностей*.

Н. К.: Александр Александрович, когда Вы поняли, что уже не «иностранец» в психологии, в науке, а «местный», что уже ассимилировались? Как происходило формирование Ваших научных интересов и представлений?

А. М.-П.: Иностранец с видом на жительство! Вы знаете, поскольку у меня путь не совсем обычный, то и здесь тоже не совсем обычно происходило. Обычно человек изучает психологию, а потом в ней находит что-то, чем он хочет заниматься, а у меня наоборот получилось. Была интересующая меня тема, кроме которой я ничего не знал. И знакомство с психологией, существовавшими тогда теориями, направлениями, оно нанизывалось именно на эту интересовавшую меня тему выразительности цвета в детском творчестве, потом выразительности в целом и т. д. Придя в лабораторию психологии способностей, естественно, я попал в определенное направление, созданное Борисом Михайловичем Тепловым, которого я уже не застал. Мой заведующий и другие сотрудники были последователями этого направления. Считалось, что «иначе и нельзя». Постепенно я начал самостоятельно разбираться в тепловской теории способностей как совокупности различных компонентов, нужных для освоения той или другой деятельности. Интересы расширялись на более общие, центральные проблемы творчества, и не только изобразительного. При всем величайшем уважении к самому Б. М. Теплову и к тому, что он сделал для науки, я понял, что это направление – не совсем то, что меня интересует. Что творческий аспект способностей иной совершенно, он не покрывается усвоением наличных форм какой-либо деятельности. Так стали появляться уже самостоятельные дерзкие мысли. Если сейчас ретроспективно посмотреть, то на фор-

мирование моих научных представлений и взглядов оказала влияние понимающая психология В. Дильтея, персоналистские направления, начиная с В. Штерна, гуманистическая психология. Но самая большая поддержка была от русских мыслителей и ученых. Очень интересный момент! Больше всего давали не «патентованные» психологи, не психологи по диплому, а люди, которые числятся по несколько другому ведомству. Может быть, именно в силу этого гуманитарные аспекты психологии они захватывали очень глубоко. Я имею в виду, например, А. А. Ухтомского, который, казалось бы, физиолог в основном, но он и мыслитель, и психолог, и богослов в определенной степени. Концепция доминанты А. А. Ухтомского очень много дает для понимания творчества. Хотя начиналась она с исследования рефлексов лягушек, а потом расширялась до колоссальных горизонтов человеческого творчества. Я имею в виду и М. М. Бахтина, который то ли филолог, то ли культуролог, то ли философ, то ли литературовед, но никто из психологов более тонко о творчестве, мне кажется, не писал, чем Михаил Михайлович Бахтин. Отец Павел Флоренский – он и всесторонний ученый, богослов, священнослужитель, искусствовед, и «естественник», и лингвист. Причем люди того поколения о психологии говорили, как я заметил, как раз в отрицательном ключе, понимая под этим естественно-научное изучение психики как объективно детерминированной совокупности отдельных процессов. Они как бы отделяли себя от такой психологии, хотя, с моей точки зрения, они как раз были очень большими психологами. Был такой филолог и мыслитель Г. О. Винокур, который писал о биографии человека как о его собственном творчестве. Биография не как описание внешней последовательности событий в жизни, а как создание человеком биографии своей личности через творческие поступки – отклики на значимые переживания. Я нашел для себя очень большую поддержку в работах В. В. Зеньковского. Сейчас он больше известен как священнослужитель, как богослов, христианский педагог, а начинал он как очень серьезный психолог. У него есть работа, еще из ранних, которая называется «Проблема психической причинности». В ней он, не говоря таких слов, как творчество, одаренность, – тогда это не в моде было, – с моей точки зрения, очень глубоко указывает на источник человеческого творчества, который определяет как внутреннюю активность души, или внутреннюю энергию души, исходно присущую человеку. Мы можем этого в детстве, да и позже, не осознавать в себе. Нам кажется, что мы реагируем и приспосабливаемся ко всей массе внешних факторов, которые на нас обрушиваются, а на самом деле внутренняя активность души, свойственная каждому человеку от рождения, как какой-то навигатор, прокладывает свою дорогу, телеологически, избирательно преобразуя все то, что на нас валится. Это, кстати, можно связать с учением о доминанте А. А. Ухтомского. В какой-то степени это похоже и на учение об установке Д. Н. Узнадзе, которое тоже мне кажется философски глубоким, хотя тут нужны уточнения. Вот это, наверное, круг основополагающих идей, которые оказывались для меня близкими, «своими».